

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

имени академика Н. Я. Марра

СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

III

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЭВОЛЮЦИЯ КУФИЧЕСКОГО ПИСЬМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В истории арабской письменности Средняя Азия занимает особое место, но сохранившиеся памятники, к сожалению, не дают полной картины ее развития в Мāверā'ннахре. В процессе закрепления арабов в Средней Азии администрация и представители власти при сношениях с центром омайядского халифата пользовались, несомненно, арабским письмом, как было, например, в Египте уже с 22/643 г.¹ Деловые документы, расписки, приказы, паспорта писались более или менее курсивными почерками. В надписях на монетах, напротив, долгое время в почерке придерживались горизонтальной линии, стволы некоторых букв имели вертикальное положение. Со времени 'Абд ал-Малика в восточном Хорасане чеканили монеты в Нишапуре и в Мерве, что способствовало созданию каллиграфической традиции, которая проникла и в среду местной хорасанской знати. В 76/695—696 г. в Мерве был выбит дирхем (рис. 1).² Единственное письмо согдийца Дй-вāсти (Дивастича) к арабскому эмиру ал-Джаррāху 99—100/718—719 гг. показывает, что арабская каллиграфия в Мāверā'ннахре совершенно не уступала образцам из западных провинций халифата (рис. 2).³

Рис. 1. Дирхем, чеканенный в Мерве 76/695—696 г.

Куфические Кораны первых веков хиджры в среднеазиатских копиях не известны. Грандиозный, так называемый «Османовский» Коран из мечети Хѳджа Ахрара датируется началом II/первой четвертью VIII в., но А. Шебунин устано-

¹ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник, I, Л., 1934, стр. 74, прим. 1; стр. 73, прим. 3.

² Henri Lavoix. Catalogue des monnaies musulmanes de la Bibliothèque Nationale, t. I, Paris, 1887, № 203. — Н. П. Остроумов демонстрировал медный фельс с арабскими надписями, битый в Мерве и найденный в Байрам Али в земле; В. Бартольд датировал его VIII в. (ПТКЛА, г. XVII-й, 1913, протокол № 4, заседание 10 II 1913 г., стр. 58).

³ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, ук. соч., табл. к стр. 54 и стр. 89—90.

вил его не среднеазиатское происхождение.¹ Отсутствие рукописей VIII—IX вв. чрезвычайно досадно; многие из них, вероятно, были написаны на самаркандской тряпичной бумаге, которую выделяли в середине VIII в.²

О чистоте стиля куфи II—III/VIII—IX вв. можно судить по надписям на ранней поливной керамике, богато представленной на разных городищах, из которых особенно известно городище Афрасиаб. Надписи (по большей части) исполнены черным или красным красителем, лишены пунктуации и знаков чтения; линии очень смелы и прямолинейны, фон свободен от рисунка (рис. 3, а—б). Оба тона наиболее употребительны в оформлении арабских рукописей. Постепенно буквы обогащаются декоративными элементами; например нун украшается полупальметкой (рис. 4), появляется иногда пунктуация, подобно *zā* в слове *المزاج* 'уравновешенность'. Редкая по красоте и строгости стиля надпись на светлом фоне фаянсового каламдана дает имя *محمّد بن فضل* 'Мухаммад сын Фадла', вероятно имя владельца.³ Керамисты Мавераннахра понимали, что изящно написанное изречение достаточно украшает изделие.

На предметах утилитарного характера, где орнаментация излишня, куфи в конце III/IX в. прямолинеен и прост; такова надпись на бронзовой гире с именем Исма'ила *Sāmānī* (261—295/875—907 гг.)⁴ или штемцеля на кирпичах.⁵ На предметах обихода знати, которые, кроме официального содержания, были рассчитаны на художественный эффект, надписи выполнены изысканным почерком. Образец подобного рода представляет надпись с именем халифа ал-Му'тамид *al-Lā*, вытканная красным шелком на льняной ткани по приказу ал-Му'тадида би-*al-Lā* в дворцовой ткацкой мастерской (тирāз) в Мерве *بطرار الحاصّة بمر* в 278/891 г. (рис. 5).⁶

Ал-Му'тадид би-*al-Lā*, сын ал-Муваффака Талха, племянник халифа ал-Му'тамида и будущий халиф, унаследовал права и обязанности отца, в число которых входило командование войсками и охрана границ. Ал-Муваффах умер

¹ А. Шебунин. Куфический Коран имп. СПб. Публичной библиотеки. ЗВО РАО, т. VI, СПб., 1892, стр. 123—124.

² Китайская тряпичная бумага известна со II в., согласно исследованию А. Стейна (Sir Aurel Stein. *Serindia*. Oxford, 1921, стр. 653, 673); ср.: W. Barthold. *Turkestan down to the Mongol Invasion*. Gibb Memorial Series, New Series, V, London, 1928, стр. 237.

³ Цитированная надпись украшает фаянсовый каламдан, обломанный, из собрания С. М. Дудина-Стоярова, № 1332—57, Государственный Эрмитаж.

⁴ М. М. Дьяконов. Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, Государственный Эрмитаж, т. II, Л., 1940, стр. 165—176, с 4 рис.

⁵ См. рецензию В. В. Бартольда на „Справочную книжку самаркандской области. Выпуск VIII. Самарканд, 1906“. ЗВО, т. XVIII, стр. 0188.

⁶ Hassan Moh. Hawary. *Un tissu abbaside de la Perse*. Bulletin de l'Institut d'Égypte, t. XVI, Le Caire, 1934, стр. 61—71, с 3 табл. — Ср.: В. Крачковская. Задачи арабской эпиграфики в СССР. Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г., Труды Института востоковедения Академии Наук СССР, XXIV, М.—Л., 1937, стр. 131.

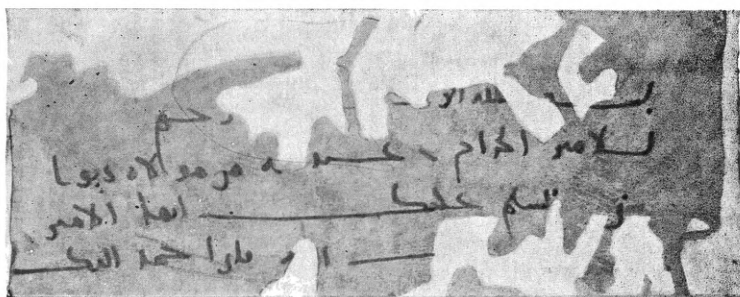

Рис. 2. Письмо согдийца Дивāстī 99—100/718—719 гг. Деталь.

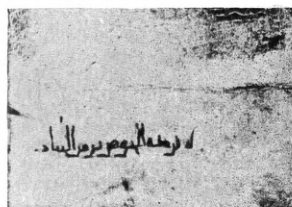
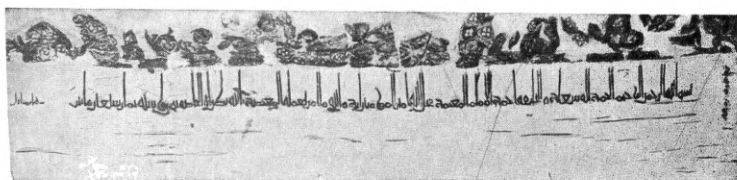
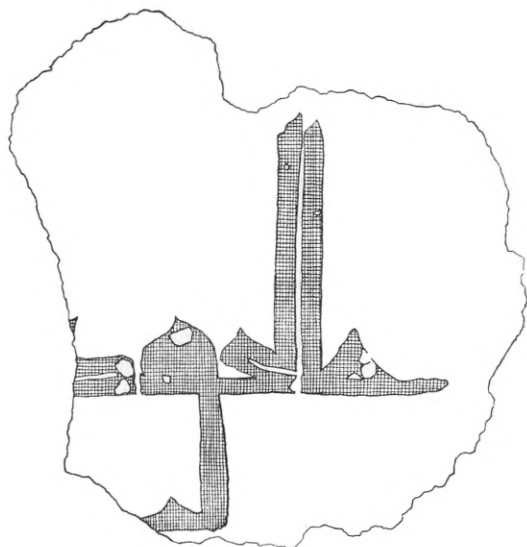

Рис. 5. Шелко-льняная ткань с тирāзом из Мерва 278/891 г.

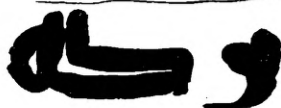

Рис. 6. Шелко-льняная ткань с тирāзом 293/891 г.

8 сафара 278/22 мая 891 г.;¹ следовательно, надпись выткана в Мерве между 22 мая 891 г. и 3 апреля 892 г., когда закончился 278 г. х.

а

б

Рис. 3, а — б. Надписи на поливной керамике II-III/VIII-IX вв. Афрасиаб.

Рис. 4. Надпись фаянсового қаламдана III/IX в.

Известны еще четыре образца тканей, на которых Мерв назван как место производства: на тирāзе 277/890 г. вытканы имена халифа ал-Му'амида,

¹ K. V. Zettersteen. Al-Mu'tamid. Enzyklopaedie des Islam (цитируется сокращенно: EI), т. III, стр. 841. — Al-Mu'tadid, там же, стр. 839. — W. Barthold. Turkestan. „E. J. W. Gibb Memorial Series“, New Series, V, Oxford, 1928, стр. 217, 219.

ал-Муваффақа и в конце надписи — имя 'Йса (вероятно имя мастера); два тираза преемника ал-Му'тамида, халифа ал-Му'тадида, 283/896 и 286/899 гг., и один тираз времени халифа ал-Му'тафй, но без его имени, 293/906 г.¹

Почерк на мервском тиразе 278/891 г. очень своеобразен и сильно отличается от многих аббасидских тканей, близких по времени. Компактные знаки у линии строки создают впечатление горизонтальной полосы, хотя в надписи имеются дугообразные лигатуры и дуги вѡа свисают ниже строки. Высокие буквы в 4—5 раз выше низких букв, кроме слова الله, в котором стволы последовательно понижены;² окончания вѡа, рѡ и зѡйна подняты вверх.³ Необычная форма дѡль, напоминающая джим-хѡ, встречается в словах:

الحمد، المعتمد، احمد، المعتضد، ائده، سعادة

столь же необычна форма мѡма в виде треугольника, поставленного на одну из вершин بسم، بمر،; среднее тѡ наклонено параллельно предшествующему айну.

Фон ткани около надписи свободен от украшений; над надписью орнаментальный узор плохо сохранился. Отступя от конца надписи, немного мельче и суше, выткано красным шелком имя سهيل بن شاذان 'Сахл сын Шадана', предположительно имя ткача; отступя от начала надписи, в вертикальном положении, мелко и небрежнее, красным и голубым шелком изображено: بركة للجوهر 'Благословение Джаухару сыну пекаря'; здесь может быть назван владелец ткани, и это пожелание было вышито позднее.

На мервском фрагменте тираза 278/891 г. узор имеет строго орнаментальный характер. В нем различаются S-образные мотивы и сердцевидные, но основной мотив ткани представляет непрерывную серию овалов, с четырьмя светлыми „глазками“ внутри каждого овала, на фоне поочередно светлом или темном. Окаймление овалов в виде белой ленты, с темной полоской посередине ее, вьется волнообразно. Нижний край узора занимают полуовалы с тремя светлыми точками.

Подобный рисунок бордюра имеется на анонимном и недатированном фрагменте шелко-льняной ткани с тиразом в лондонском собрании.⁴ В этом экземпляре была замечена некая „странность“ бордюра, причем происхождение мотива осталось для исследователей неясно. Так как мервский датированный тираз 278/891 г. и лондонский фрагмент № 11/127—1891 сходны по материалу и по орнаменту, можно предположить, что оба они вытканы в Мерве и, следовательно, лондонский фрагмент можно датировать 275—300 гг. х.

¹ Н. М. Hawary, ук. соч., стр. 63, прим. 1. — Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, т. II, Le Caire, 1932, № 753, С. III, Тапо; т. III, № 810, Афины; № 865, Каир.

² В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии. Труды Музея палеографии АН СССР, т. III, Л., 1929, табл. I, рис. 2, 233/848 г.; табл. II, рис. 2, 242/856 г.; табл. V, рис. 1, 243/857 г.; стр. 28, прим. 3—4; стр. 34, прим. 3.

³ В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 99—100; об удлинении окончаний букв вверх.

⁴ A. R. Guest. Notice of some arabic inscriptions on textiles of the South Kensington Museum. JRAS, April, 1906, стр. 397, табл. III, № 11.

Весенние ткани из Мерва и осенние с двойным утком славились при Сасанидах, как передает Та'алиби в известном отрывке из разговора Хосроя с пажем.¹ Хлопчатые ткани были главной специальностью средневекового Мерва. Особенно знамениты были тонкие мервские головные повязки и толстые ткани; их вывозили в различные страны, а в некоторых центрах халифата выделявали подражания им. Арабский географ ал-Мукаддаси сопоставлял по качеству ткани из некоторых иранских городов с мервскими: «оттуда [из Тустера] поступают красивые ткани вроде Мерва». «В Исфахане ткали мервские ткани». Толстые ткани, вроде мервских, и тончайшие покрывала вырабатывались в пригороде Исфахана, Йахүдийе.²

Ткани из льна в Мавера'ннахре были также известны: Исма'ил Самани одаривал своих военачальников льняными одеждами, которые ценились особенно высоко. Конечно, на одеждах саманидских военачальников, пожалованных не самим халифом, не могли быть вытканы официальные формулы.³ Отмеченный лондонский фрагмент ткани с тирāзом происходит с кладбища в Верхнем Египте, что несколько не противоречит мервской атрибуции, так как все документированные мервские образцы найдены в Египте.

Ткацкое ремесло в Мерве было сосредоточено в квартале ткачей.⁴ Нельзя, впрочем, утверждать, что «тирāз ал-хацца» 'частный, личный тирāз', т. е. ткацкая мастерская халифа, находилась в квартале ткачей, а не при дворце. Производство тканей было поставлено под наблюдение ответственного управителя — мухтасиба или фахыха, который был обязан следить за качеством тканей и изображением имени халифа на изделиях.⁵

В Мичиганском университете имеется фрагмент ткани из хлопка и шелка; красным шелком на ней выткано имя халифа ал-Муктафи и нешолная дата [2]93/905—906 г. Замечателен на этом фрагменте стиль почерка и сходство его с экземплярами в некоторых других коллекциях;⁶ как правило, все они хлопчато-шелковые. Место изготовления сопоставленных фрагментов не известно; исследователи допускают три центра производства: Йемен, Иран (без дальнейших уточнений) или Месопотамию, причем Египет, согласно Пфистер (Pfister), исключается.⁷ Следует признать громадное палеографическое сходство мичиганского тирāза ал-Муктафи 293/905—906 г. (рис. 6; ср. рис. 5) и мервского 278/891 г. Стиль обеих надписей одинаков, с той разницей, что в позднейшем образце

¹ Arthur Christensen. *L'Iran sous les sassanides*. 2-е изд., Copenhagen, 1944, стр. 473. — P. Schwarz. *Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen*. T. IV. Leipzig, 1929, стр. 356, прим. 8; стр. 425; т. V, стр. 599. Относительно вывоза тканей из Самарканда при Сасанидах см.: W. Barthold. *Turkestan*, стр. 295; о мавера'ннахских шелках и хлопчатых тканях — стр. 236.

² P. Schwarz, *ук. соч.*, т. VII, стр. 889.

³ A. R. Guest, *ук. соч.*, тексты №№ 10 и 11.

⁴ A. Jakoubovsky. *Merw al-Shahdjan*, EI, дополнительный том, вып. 3—4, стр. 160.

⁵ A. Mez. *Die Renaissance des Islam*. Heidelberg, 1922, стр. 393—394, 435.

⁶ Florence E. Day. *Dated Tiraz in the Collection of the University of Michigan*. *Annals of the American Academy of Religion*, т. IV, 1937, стр. 426—427, рис. 6.

⁷ Florence E. Day, *ук. соч.*, 427.

треугольных букв больше (кроме мйма, конечного хā); появились добавочные вертикали над низкими буквами tā и нūн سَنَةُ الْمَكْتَفَى; среднее фā الْغَلِيغَةُ получило „подставку“.

На основании поразительного палеографического сходства, единства материала и близости даты, к небольшому циклу из пяти тканей, вытканых в Мерве, можно с полной уверенностью присоединить фрагмент Мичиганского университета 293/905—906 г. Гадательный вопрос о месте производства тйрэзов с надписями такого стиля совершенно точно решается в сторону Мерва, а почерк должен быть связан с именем Сахля сына Шадана.

Рис. 7. Дирхем Насра II, сына Ахмада, Нйшā-пур, 305/917—918 г.

С датой мервской ткани конца III/начала X в. почти совпадает новое течение в графике надписей на саманидских монетах, до того времени только куфических. На самаркандском дирхеме 296/908—909 г. имя халифа ал-Муктадира би-Лла попрежнему изображено куфическими знаками, но имя амира Ахмада сына Исмаила — курсивным почерком на-

схи.¹ С этих пор на саманидских монетах соседство двух арабских почерков обнаруживается нередко. Те же сочетания прослежены на монетах, битых в Шāше, в Самарханде в 297/909—910 г., в разных городах Мāверāннахра в следующем году, в Шāше и Самарханде в 300/912—913 г., в Амоле в 302/914—915 г. Система продолжается на монетах Насра II сына Ахмада, битых в Андерāбе в 304/916—917 г. и в Нйсāбуре (Нйшāпуре) 305/917—918 г. (рис. 7). При Мансуре I, сыне Нуха I, в 356/966—967 г. в г. Аксикет на лицевой стороне монеты почерком насхи было изображено имя Ахмад.

Выделение имени амира другим почерком, вероятно, имело целью оттенить могущество Саманидов и слабую зависимость от халифа.

При Алп Тегине в зарождающееся газнавидское государство проникла из Мāверāннахра традиция смешения двух почерков на монетах; через некоторое время она отразилась также на стиле лапидарных надписей в г. Газна; появился насхи и на монетах Караханидов в конце IV/начале XI в.²

Лапидарные надписи Саманидов не известны. Погибли саманидские архивы и библиотека, которую Та'алиби называл: „дом славы, Ка'ба верховной власти, место собрания знаменитых людей века...“ Библиотеку в Бухаре при Нухе I, сыне Мансура (ум. 387/997 г.), посещал и оценил в своей автобиографии Ибн Синā — Авиценна³ следующими словами: „ни до того, ни после мне не прихо-

¹ В. А. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Труды Восточного отделения Археологического общества, ч. I. С.-Петербург, 1855, стр. 211.

² V. Kratchkovskaya. Naskhi Inscriptions. A Survey of Persian Art, т. II, стр. 1770—1771. — Stanley Lane-Poole. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum, т. II, London, 1876, № 449.

³ W. Barthold. Turkestan, стр. 9.

дилось видеть такой библиотеки...¹ Впоследствии бухарская библиотека пополнилась за счет библиотеки султана Мас'уда I из Газны.²

Потеря стольких рукописных сокровищ невознаградима; каковы были некоторые почерки тщательно оформленных манускриптов при Саманидах, можно установить путем изучения эпиграфических мотивов на саманидской керамике.

В Бухаре, вероятно, встречались экземпляры куфических Коранов IX в., артистически переписанные и подобные Корану, который в 256—260/869—874 гг. пожертвовал в вакф Амәджур, дамасский наместник 'аббасидского халифа ал-Му'тамида³ (рис. 8). Не позднее середины III/IX в. расписана чаша из руин

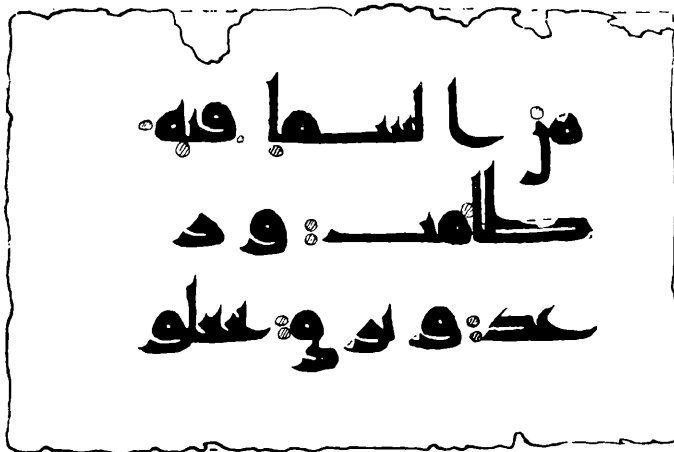

Рис. 8. Коран 869—874 гг. Вакф Амәджұра.

Нйшәпұра (рис. 9) (из холма Саба Пушан), замечательная не только архаичностью почерка, но и обводкой толстых черных букв по самому контуру тонкой красной линией.⁴ Типичные для керамики Афрасиаба варианты куфи имели тонкие, стройные вертикали и аккуратно растянутые горизонталы (рис. 10).⁵ Ритмически чередуются устремленные к центру по две или по три высокие буквы и горизонтальные отрезки изречения; корпуса букв дәль и кәф перевиты. К этому почерку приближается фрагмент в Отделе Востока Государственного Эрмитажа, происходящий с Афрасиаба; на нем низкие буквы ясно пунктированы и меньше прижаты к линии строки (рис. 11).⁶ По каллиграфическим достоин-

¹ Акад. А. Кримс'кий. *Исторія Персії та її письменства*, I. Київ, 1923, стр. 84.

² Heffening. *Kitābkhāna*. EI, т. II, стр. 1123.

³ B. Moritz. *Arabische Schrift*. EI, т. I, табл. IV: страница из Корана Амәджұра.

⁴ The Metropolitan Museum of Art. *The Iranian expedition 1936*, New York, 1937, стр. 10, рис. 2.—Fr. Sarre. *Die Keramik von Samarra*. Berlin, 1925, Anhang I, Epigraphisches von Ernst Herzfeld, рис. 174: пальметка над буквой тә.

⁵ S. Flury. *Calligraphy*. B. On Pottery. SPA, т. II, стр. 1752, рис. 607; т. V, табл. 560 A.

⁶ Государственный Эрмитаж, Собрание С. М. Дудина-Столярова, № 1332—735.

ствам эпиграфические мотивы саманидской керамики III/X в. стоят неизмеримо выше находок в Самарре.¹

В IV/X в. каллиграфы чаще применяли „подъем вверх“ в окончаниях букв. Излюбленное в качестве хорошего предзнаменования слово „счастье“ اليمن, вместо правильной орфографии, при небрежной работе искажалось, распадалось

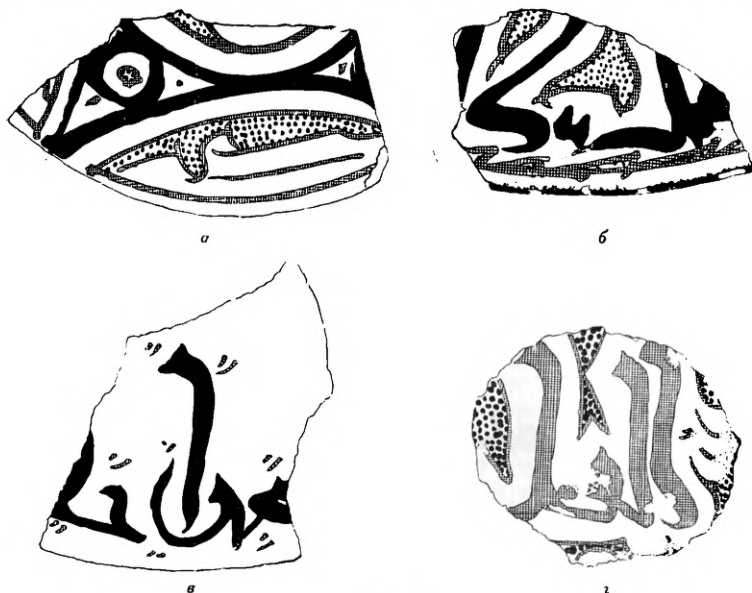

Табл. I.

а — б — обломки поливных чаш X в. Афрасиаб.

на отдельные буквенные элементы (рис. 12, а) и превратилось в повторяющийся мотив (рис. 12, б; табл. II, а).

К концу III/X — началу IV/X в. на самаркандской керамике часто выделяли светлые буквы куфи резервом по белой обмозке красной контурной линией, а прилегающий участок фона усеивали черным пунктиром, как видно на фрагменте из раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе (табл. I, а),² на двух изображениях, изданных В. Л. Вяткиным,³ и на многих других.

Чтобы выделить темную надпись на светлом фоне, отступая от букв и почти параллельно им, проводили контур красным, прочие участки фона заполняли пунктиром. При удачном подборе слов из высоких буквенных стволов и пук-

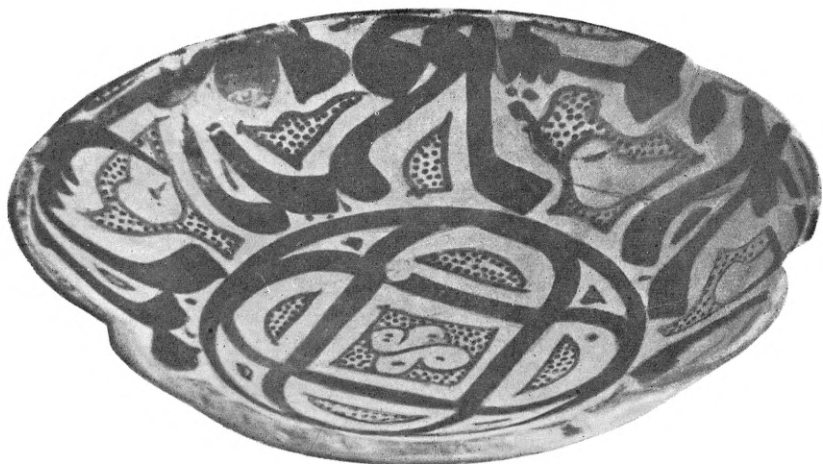
¹ Fr. Sarre, ук. соч., рис. 174, таблица шрифта и другие рисунки.

² В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927, рис. на стр. 44. — S. Flury. Ornamental kufic Inscriptions... SPA, т. II, рис. на стр. 1765.

³ В. Л. Вяткин, ук. соч., табл. VI.

а

б

Табл. II.

а — полихромное блюдо с эпиграфическим узором; б — поливное блюдо X—середины XI в. Афрасиаб.
Фото А. И. Тереножкина.

тира фона создается почти симметричный радиальный узор, главным образом за счет буквы *лām*. Верхняя часть ствола *лām* загнута налево; стволы алифа сильно наклонены направо, полулежат, извилисты, а вершина загнута налево; конец алифа, после загиба направо, обрывается наподобие запятой. Таков бордюр блюда, случайно найденного А. И. Тереножкиным на городище Афра-

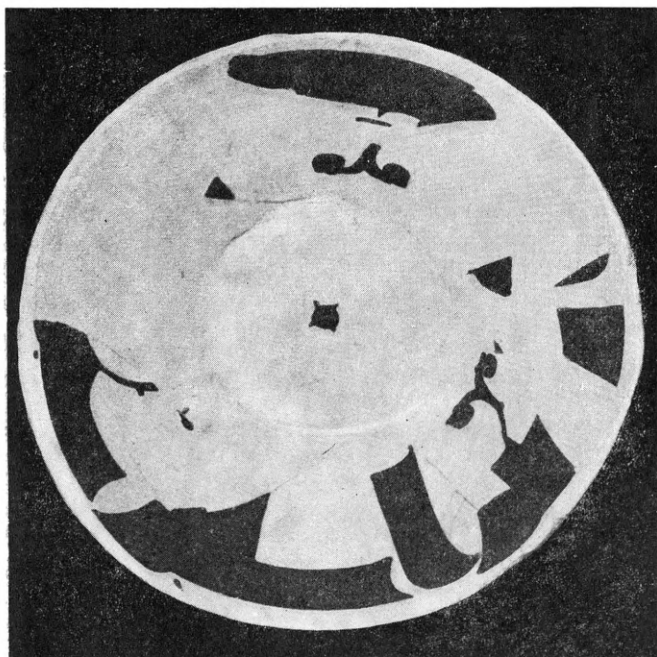

Рис. 9. Чаша из Нйшāпūra, середины III/IX в.

сиаб летом 1946 г. в пункте № 22. В этом почерке ощущаются нажимы руки писца и курсивное движение¹ (табл. II, б).

Интересно проследить взаимоотношение рукописных и керамических почерков рассматриваемого периода. На первой строке в начале сур из недатированного Корана Узбекского центрального Государственного музея, в отличие от остального текста, алиф и *лāмы* имеют все особенности, отмеченные

¹ Приношу искреннюю благодарность А. И. Тереножкину за предоставленные два фотоснимка афрасиабской керамики эпохи Саманидов. См. также: В. А. Вяткин, ук. соч., стр. 48, табл. IV, два нижних блюда.

в последнем образце керамического почерка. Наиболее извилист и склонен алиф в начале суры 67-й; лигатуры остроугольны (табл. III, а).¹

Чтобы уточнить дату почерков этого рода, сравним извилистый алиф в куфическом заголовке „Географии“ Абу Зайда ал-Балхи 320/932 г., без курсивного загиба в окончании,² и копию сочинения „Биографии грамматиков Басрийской школы“ ас-Сйрафй,³ переписчик которой — уроженец города Рейй,

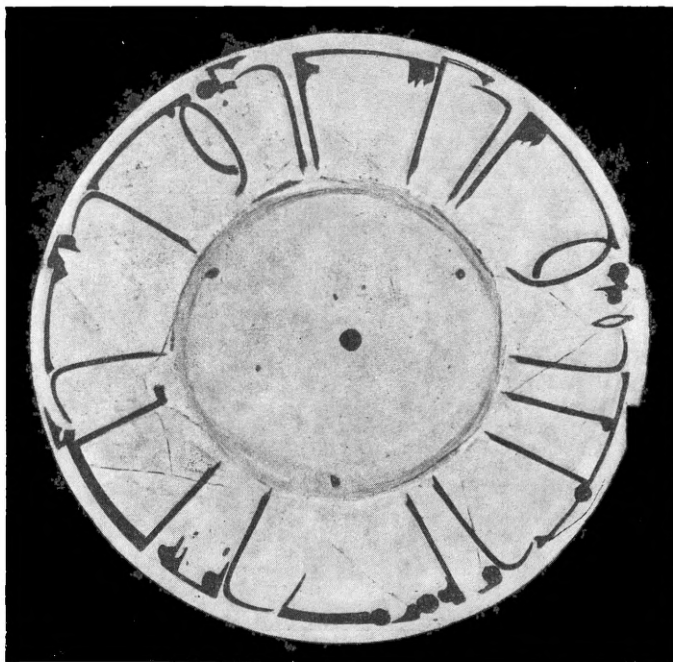

Рис. 10. Поливная чаша IX в. Лувр.

по имени Шадан ар-Разй, традиционист — оказался первоклассным каллиграфом: прозу он переписал почерком куфи, стихи — насхом. „Басмала“ на л. 2 и строка 2 на л. 34 выделены крупным почерком переходного, смешанного характера (табл. III, б). Горизонтальная линия строки нарушается угловатыми лигатурами;

¹ Почерк определяется здесь по фотографиям с 8 листов Корана из Узбекского центрального Государственного музея, на которых имеются начала сур 43, 46, 67.

² Ahmed Mousa. Zur Geschichte der islamischen Buchmalerei in Aegypten. Cairo, 1931, табл. IV (14): лист из „Географии“ Абу Зайда ал-Балхи.

³ F. Krenkow. Biographies des grammairiens de l'école de Basra. Bibliotheca Arabica publiée par l'institut d'Études orientales, Faculté des lettres d'Alger, Paris-Beyrouth, 1936. — Полное имя автора „Биографий“: Абу Са'ид ал-Хасан бен'Абд Аллах бен ал-Мараубан ас-Сйрафй; он родился на берегу Персидского залива, умер в Багдаде в 321/933 г.

هـ لِكُلِّ شَيْءٍ كَيْفَ يَكُونُ أَمَّا بِنَا أَلَمْ يَكُنْ عَزِيزًا
 مُّكَرَّمًا إِنْ أَرَادَ أَنْ يَنْزِلَ فَلَا يَكُنْ فِي رَيْبٍ
 مِنْهُ لَمَّا كُنِ هَاجِرًا وَبِالْجِبَالِ وَجَدَ الْمُجِيبَ
 فَنُفِثَ فِي السَّحَابِ فَذَرَاهُ عَلَى سَائِرِ الْمُنَاقِبِ
 فَتَبَيَّنَ لَهُ الْوُجُوهُ فَاسْتَوَىٰ عَلَى سُبُحٍ مُّطَوَّرٍ
 لَّهُ فَكَرَّمَهُ مَغْلَبًا فَانزَلَ فِي السَّحَابِ الْمُنِزَّلَ
 الْغَلِيظَ الْمُنِيرَ فَجَاءَ بِالسُّيُوفِ وَالْمِزَابِ
 وَالتَّنَائِيلِ فَجَاءَ بِالنُّجُومِ الْمُنِيرِ فَضَرَبَ
 بِالنُّجُومِ الْمُنِيرِ فَضَرَبَ بِالنُّجُومِ الْمُنِيرِ

اَخْلَفَ النَّاسُ فِي اَوَّلِ مَوْسَمِ الْبَرِّ
 لِقَضَائِهِمْ يَغْفِرُ النَّاسَ مِنْهُمْ لِيَعْلَمَ السَّيِّئُ
 مَسَا هَذَا الْبُيُوتُ وَظُفُوفُ مِنْ اَمْنًا وَبِزَوْجِهَا
 وَ

Табл. III.

а — лист Корана X в.; б — рукопись египетская ас-Сираф 373/983 г.

كتاب أبي الزخار محمد بن أحمد البزري
في حدود نفايات الإسماعيلية
الساكنين

[illegible]

высокие буквы вверху написаны с сильным нажимом и загибом в левую сторону; стволы несоединенного алифа наклонены направо под углом в 20° , ствол *tā* — на 25° . Окончания алифа в виде запятой, небольшой загиб *hā* в имени *الاحطال* 'ал-Ахтал' и другие детали являются следствием курсивных изменений, которые особенно заметны на л. 34, строки 1 и 3, и в остальном тексте; совершенно курсивно начертание *بَعْضِهِمْ* (л. 2, строка 2 снизу). Основной почерк рукописи „Биографий“ ас-Сирāфī имеет громадное сходство с Кора-

Рис. 11. Фрагмент поливного блюда IX в.

ном Узбекского центрального Государственного музея. Копия Шадāна ар-Рāзī датирована месяцем джумāда I 373/11 октября — 9 ноября 983 г.

Почерк уроженца Хорезма Абū-р-Райхāна Мухаммада бен Ахмада ал-Бирūнī (сам он называл себя ал-Байрūнī), автограф которого в Константинополе датирован 20 раджаба 416/16 сентября 1025 г., напоминает руку Шадāна ар-Рāзī (табл. IV, а — б).¹ Ал-Бирūнī говорил: „Арабское письмо, со всей его красотой, имеет два серьезных дефекта. Один — тот, что многие буквы имеют одинаковую форму и могут быть отличены только диакритическими знаками, которые часто

¹ F. Krenkow. Abu r-Raihan al-Beruni. Islamic Culture, т. VI, № 4, Hyderabad Deccan, oct., 1932, стр. 528—534, с 2 табл.; автограф издан по рукописи „Tahdid Nihāyat al-Amākin fi Taṣṭiḥ Masāfat al-Masākin“; цитата переведена со стр. 531 издания.

пропущены писцами и, в дополнение, для правильного понимания необходима огласовка...“ Сообразно со своими воззрениями, ал-Бир'уні щедро пунктировал свой автограф.

В копии „Фармакологии“ Муваффа'а бен 'Алі ал-Хераві на персидском языке переписчик по имени 'Алі, сын поэта ал-Асаді из Туса, писал в 447/1065 г. одни слова насхом, другие куфи и связывал буквы то дугообразными, то ломаными лигатурами; в заголовках „Фармакологии“ насх крупнее¹ (табл. IV, в), Аб'у Бакр ал-Газнаві в 566/1171 г. продолжал ту же хорасанскую традицию, но почерк у него для основного текста сур Корана строже, а колофон совершенно курсивен.²

Сравнение алифа на среднеазиатской керамике (табл. I, б—г) с почерками уроженцев Хорасана и Хорезма между 320—447/932—1055 гг. позволяет уточнить соответственно датировку этой керамической группы (рис. 13). Можно

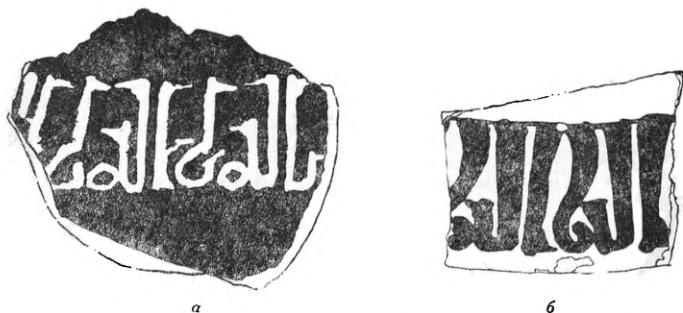

Рис. 12, а—б. Два фрагмента поливной керамики X в. „Ал-юмн“.

предположить, что в саманидских рукописях употреблялся подобный почерк, но на современной стадии исследования нельзя еще решить, где возникла эта манера письма. В заголовках и титульных листах роскошных рукописей, вероятно, имело место крапление фона, отделенного от текста контуром; оно гораздо чаще встречается на среднеазиатской керамике времени Саманидов, чем на 'аббасидской керамике из Самарры,³ и среднеазиатские каллиграфы, может быть, являются инициаторами декорации фона рукописей, которая в последующие века получила богатое развитие.

¹ V. A. Kratchkovskaya. Ornamented naskhi Inscriptions, SPA, Vol. II, стр. 1770. — W. Wright. The Palaeographical Society. Facsimiles of ancient Manuscripts. Oriental Series, Part I, London, 1875, табл. VIII—IX. — B. Moritz. Arabische Schrift. EI, т. I, стр. 409.

² Ahmed Mousa, ук. соч., табл. XIX (31): лист из Корана Аб'у Бакра ал-Газнаві. — B. Moritz, ук. соч., табл. V: два других листа из того же экземпляра.

³ Fr. Sarre. Die Keramik von Samarra, стр. 85, рис. 180; табл. XIV, рис. 2: чашечка, расписанная люстром.

К особой группе декоративного куфи принадлежат роспись фрагментированного сосуда киевского собрания (рис. 14). Дугообразные выступы образованы на вертикалях алифа и лāма, сложный узел сплетается с низкой буквой;

Рис. 13. Буква алиф VIII—X вв.

1—719 г.; 2—IX в.; 3—932 г.; 4—5—983 г.; 6—9—X в.

на стволах букв типа кāф надеты кольца. В почерке египетских надгробий дуги известны на горизонтальных линиях с конца II/начала IX в., а в начале III в., с 816 г.,—на вертикальных стволах, не только в лапидарных надписях,¹

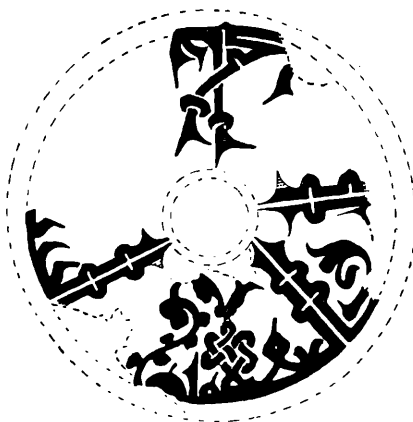

Рис. 14. Блюдо с надписью XI в.

но и на тканях. На востоке халифата наибольший сравнительный материал дают монументальные надписи начала XI в., к которым мы и перейдем.

Надпись хōрезмшāха Ма'мūна II на свинцовой плите 401/1010—1011 г. с упавшего минарета в Ургенче² (рис. 15) незатейлива по сравнению со слож-

¹ В. А. Крачковская, ук. соч., стр. 77—79.

² Н. Катанов. Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куни-Ургенча, ЗВО, т. XIV, СПб., 1902, стр. 015—017, с 1 рис.—W. Barthold. Khwārizmshāh, EI, т. II, 1927, стр. 980.—А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. II, Л., 1930, стр. 33, прим. 1.

ными плетениями из кирпича на минарете в Термезе (Тирмид) 423/1032 г. (рис. 16)¹ и на башне в Радкәне 407—411/1016—1021 гг. (рис. 17). Относительная простота свинцовой надписи зависит от фактуры, сложности формовки

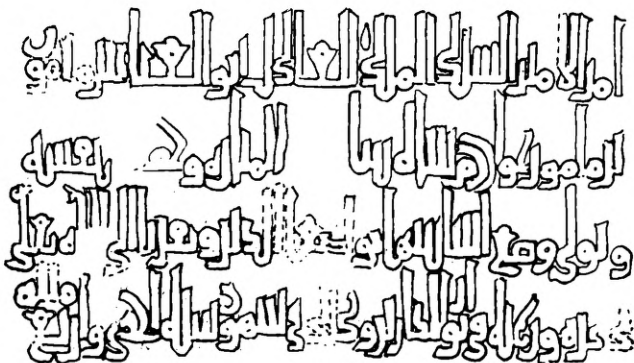

Рис. 15. Надпись минарета 401/1010—1011 г. Ургенч.

и экономии материала. Почерк сжат максимально и лишен плетений; в нем преобладают вертикали, но имеются курсивные детали.

На известной каменной колонне Джума мечети в Сайраме (рис. 18)² горизонтальная линия в двух поясах создает впечатление архаичности; тем не менее,

Рис. 16. Минарет в Термезе 423/1023 г. Деталь надписи.

подъем окончаний вверх и сплетение конечного йа роднят сайрамскую надпись с узлами и плетенками радканского алфавита (рис. 19),³ в частности, с сердце-

¹ S. Flury, *Islamische Schriftbänder*, табл. XX: вид башни; стр. 49, рис. 16: деталь надписи.

² М. Е. Массон. Старый Сайрам. Ташкент, 1928, стр. 29—31, рис. по фотографии А. Ю. Якубовского и таблица. — Фототека ИИМК, №№ 87345—87347, 87557, фотоснимки А. Ю. Якубовского. Ср.: М. С. Андреев. По Таджикистану. Отчет по экспедиции 1925 г., вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 13.

³ S. Flury, *ук. соч.*, табл. XIV.

Рис. 17. Алфавит башни в Радконе 401—411/1016—1021 гг. по С. Флюри.

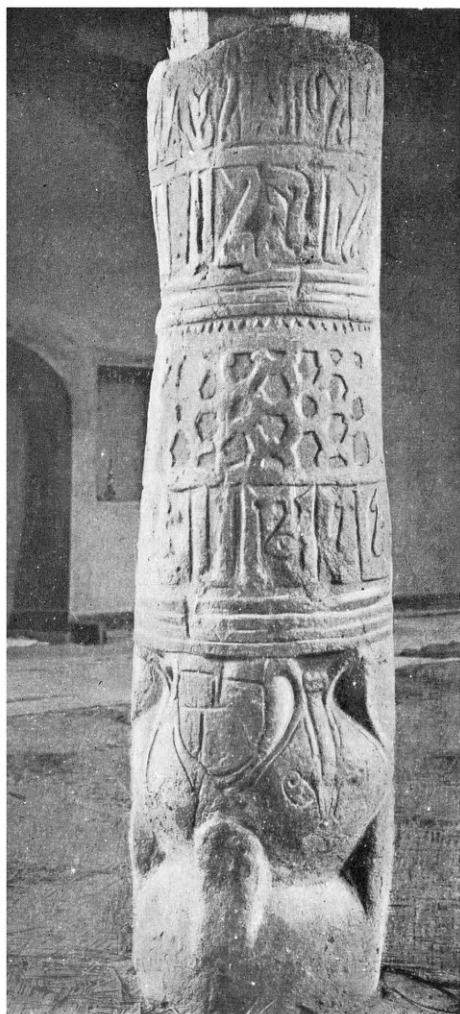

Рис. 18. Сайрам. Каменная колонна мечети.
Фото А. Ю. Якубовского.

видными узлами и подобиями восьмерки (рис. 20). Склонение широких буквенных окончаний на сайрамской колонне соответствует сильным нажимам в почерке куфи переходного периода IV—V/X—XI вв.

Дуги на стволах алифа, лама и прочих букв в радканском алфавите позволяют датировать киевское блюдо (рис. 14) первой четвертью XI в. в отличие от датировки X в., которую предлагал С. Флюри.¹

Рис. 19. Сайрам. Верхняя надпись каменной колонны мечети, 404/март — апрель 1014 г.

В резьбе по дереву и стуку рельеф разнообразнее и пластичнее, чем на камне. Между прочим, надпись «цветущим» куфи хорошего стиля на колонне мечети Джума в Хиве можно датировать V/XI в. К этой группе и периоду относятся надписи на трех михрабах: в селении Искодар, в Мешхеде и Дан-

Рис. 20. Узловидные плетения из алфавита 411/1021 г. Радкан.

денакане.² Все три надписи очень скупо изукрашены растительными мотивами. В Мешхеде и Данденакане низкие буквы вершинами достигают верхнего уровня высоких букв и поднятых окончаний; посредством тонких или уширенных стрелок создано равномерное заполнение эпиграфического пояса или строки (рис. 21, а, д, е). Для заполнения фона введены в Мешхеде, кроме того, каплевидные вставки. Не вполне уцелело обозначение даты на михрабе в Данденакане; оно колеблется между 440—490/1048—1097 гг., т. е. в пределах полустолетия. Судя по аналогии с Дандзнаканом, михраб в Мешхеде предпочтительнее датировать позднее, чем предлагал Г. И. Котов.³

Газнавидскому стилю была свойственна острота клиньев, с типичным стрелчатым мимом (рис. 21, б—г).⁴ Вытянутая стрелка сглаживала впечатление

¹ S. Flury. Ornamental kufic inscriptions on pottery. SPA, II. — S. Flury. Islamische Schriftbänder, стр. 26.

² B. Denike. Quelques monuments de bois sculpté au Turkestan occidental. Ars Islamica т. II, ч. I, 1935, стр. 70, рис. 4.

³ Г. Котов. Михраб Мешед-и Мисриана. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь 1935. М.—Л., 1939, стр. 105—106.

⁴ S. Flury. Ghazni, табл. IX; X, i; XI; XIX, рис. 5.

пустоты над низкими буквами. Стрельчатые формы вершин появлялись на неполивной (штампованной) среднеазиатской керамике, которую можно датировать V—VI/XI—XII вв.,¹ представлены они также и в надписях иранских надгробий первой половины VI/XII в.²

На монументальном портале Рабат-и Малик Караханида Шамс ал-Мулк Насра, сына Тамгач хана Ибрахима (460—472/1068—1080 гг.),³ кроме букв из кирпича и побегов на фоне надписи, введены местами дополнительные стволы над низкими буквами и U-образные украшения, ради равновесия

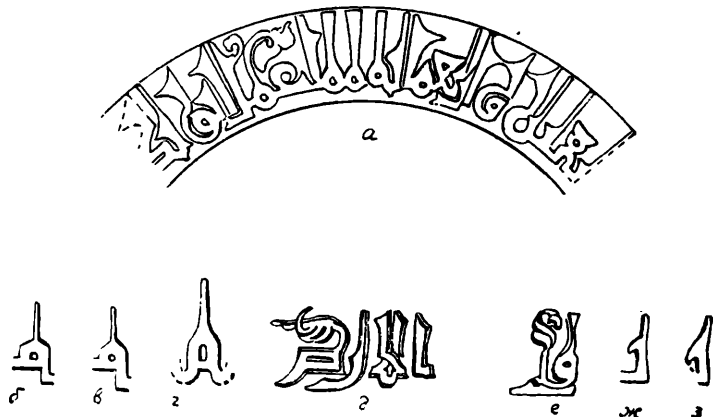

Рис. 21. Детали надписей и алфавитов в Данденакане, Газне и Мешхеде.

с густо заполненной письмом нижней зоной эпиграфического пояса на обзоде арки (рис. 22). Такие дополнения к надписям есть на надгробии Себуктегина в Газне (ум. в 387/997 г.)⁴ и в надписях его потомков. К сожалению, саманидские образцы этого рода не известны. В мавзолее Мухаммада Ханая 506/1112—1113 г. близ руин Мерва был создан ритмический рисунок в верхней зоне фриза с помощью обоих дополнительных элементов (добавочных стволы и U-образных украшений), но не связан гармонично с текстом (рис. 23): орнаментальные вставки помещены то над вершиной одной буквы, то над двумя соседними буквами, то над начальным выступом трехзубчатой буквы; сплегения

¹ Фрагмент в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

² SPA, т. IV, табл. 519, E, 535/1141 г.; табл. 520, 533/1138 г.

³ И. И. Умняков. Рабат-и Малик. Сборник, посвященный В. В. Бартольд. Ташкент, 1927, стр. 179—192; стр. 187 — транскрипция надписи, с лакунами; рис. 3 — деталь портала с надписью по обводу арки. — W. Barthold. Turkestan, стр. 248, прим. 3. — SPA. т. II, рис. 461, стр. 1278, 1723; т. V, табл. 272, B.

⁴ S. Flury. Le décor épigraphique des monuments de Ghazna. Syria т. VI, 1925, табл. VI—VII, 1; табл. XI, 2; XII, XXIV.

букв немногочисленны, причем встречаемые здесь узлы конечного йā надолго закрепляются в эпиграфике Средней Азии.¹

Эпиграфические памятники VI/XII в. по богатству рисунка стоят на большой высоте, особенно резанные по глине и обожженные плитки в Узгенде. Надписи северного мавзолея в 1947 г. издал А. Ю. Якубовский.² Над входом в северный мавзолей 547/1152 г. в блестящем образце куфи сотесняется повторяющийся узор из звезд с плетениями буквенных стволов, а при отсутствии восходящих стволов от строки надписи смело введены дополнительные петли и линии.³ На обводе арки портала северного мавзолея надпись с датой постройки насыщена элементами скорописи и реминисценциями куфи; достаточно сравнить плетеное окончание йā в словах „Али“, „муджа-табā“ из кufического фриза и слова „Мустафа Мухаммад ал-наби салла...“, завитки буквы джīm и другие украшения на обводе арки (рис. 24).

На портале южного мавзолея в Узгенде 581/1186 г., как на северном мавзолее, надписи почерками куфи и насхи одинаково важны по содержанию; ни тот ни другой стиль почерка не имеет подчиненной роли. Насхи здесь меньше, чем на северном мавзолее, насыщены кufическими элементами, но в случае отсутствия вертикалей введены вставные украшения вроде ижицы⁴ (рис. 25). В мавзолее султана Санджара в Мерве (ум. 552/1157 г.) на щеках сводов галереи первого яруса встречается подобный

Рис. 22. Рабат-и Малик 460—472/1068—1080 гг. Деталь надписи арки.

Рис. 23. Надпись мавзолея Мухаммад Ханаша 506/1112—1113 г. По фото Н. М. Бачинского.

насхи и более бедный плетениями куфи.⁵ В Узгенде кufический фриз южного мавзолея выписан с широкими лигатурами: буквы связаны с плетеными так называемыми „узлами счастья“ трех видов, заканчиваются парными полупальметками

и образуют, таким образом, повторяющиеся мотивы в средней зоне фриза и

¹ Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении. Москва — Ашхабад, 1939, рис. 42; в датировку памятника на стр. 33 вкралась ошибка: на нижнем рисунке ясно читается дата 506 г. арабскими словами. — М. В. Smith. Material for a Corpus of early Iranian isami: Architecture. Ars Islamica, т. IV, стр. 36, эскиз В: надпись михраба в Барсиан, где соблюден ритм стволов и U-образных вставок.

² А. Ю. Якубовский. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде. Эпиграфика Востока, I, М. — Л., 1947, стр. 27—32, рис. 1—9.

³ Ср.: А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 31—32, рис. 1—3. — В. А. Kratchkovskaya. Ornamental naskhi inscriptions. SPA, т. II, стр. 1774, рис. 626. — Борис Денике. Искусство Средней Азии. М., 1927, табл. 4—5.

⁴ S. Flury. Ghazni, табл. XXI, 17. — Ср. выше, стр. 18, прим. 4.

⁵ Н. М. Бачинский, ук. соч., табл. 26—27.

непрерывный бордюр у верхнего края (рис. 26: деталь фриза южного мавзолея). Фон обоих куфических фризот отделен от надписей контурной линией

в виде рельефного шнура, но в отличие от контура в саманидской керамике здесь контурная линия прилегае к самим буквам; остающееся пространство фона заполнено стилизованными побегами или мелкими геометрическими узорами. Отметим попутно формулу 'Ал-мулк ли-Лла' в конце надписей.

Третий вариант куфи того же стиля, как на северном мавзолее, украшает верхние барабаны вьедренных колонок портала южного мавзолея. Стволы букв и ложные стволы слетаются под углом в 45°, образуют над буквами последовательно ряд крестов и восьмиконечных звезд; у верхнего края надписи концы буквенных стволов расходятся под прямым углом; в общем, композиция фона имеет ковровый характер и состоит из звезд и крестов. Реминисценция коврового мотива имеется на одной плитке обрамляющего фриза слева от колошки.¹

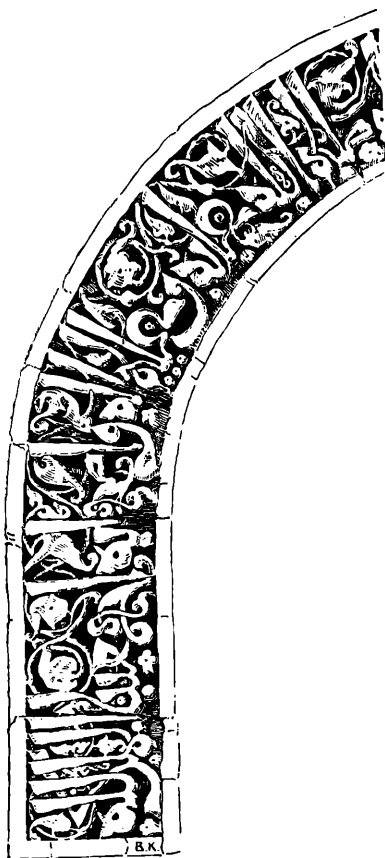

Рис. 24. Уггенд, мавзолей 547/1152 г. Деталь надписи арки.

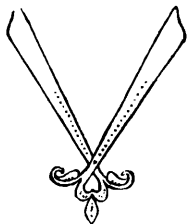

Рис. 25. Уггенд, южный мавзолей. Деталь фриза яасхй.

Итак, на узгендских мавзолеех XII в. представлены надписи двух стилей; в Газне минарет первой половины XII в., при султане Мас'уде III (492—

¹ Фот. отдел ИИМК, фото А. Ю. Якубовского, № 0—122, 6 и др.

508/1099—1114 гг.) был украшен тремя разновидностями арабского письма:¹ кроме ритмически скомпонованной надписи куфи очень крупного масштаба по верху минарета (в его сохранившейся части) и обрамлений насхом очень плохой сохранности в средней зоне башни, в квадратном поле на входящем углу второго пояса облицовки, считая снизу, изображено имя 'Мас'уд'. Имя выполнено особым „квадратным“ стилем куфи, из кирпичей, уложенных ложком с напуском, и с поворотами в очертаниях букв только под прямым углом тогда как фон заполнен вертикально поставленными кирпичами. Чтение имени Мас'уда теперь проверено на лучшем снимке, сравнительно с 1931 г.² К сожалению, надписи этого рода в Средней Азии в начале XIII в. пока не установлены, но, вероятно, некогда были, судя по богатству узоров из кирпича в облицовках среднеазиатских построек. Флюри и Херцфельд (E. Herzfeld) предполагали

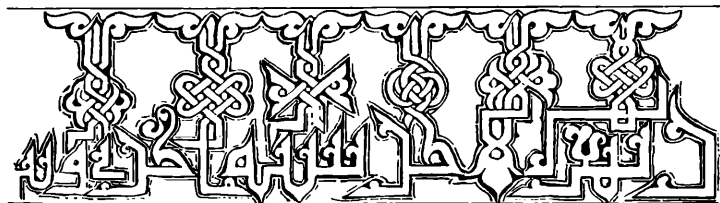

Рис. 26. Узгенд, деталь фризa южного мавзолея 581/1186 г.

зависимость „квадратного“ куфи от письма на китайских печатях. Ошибочное мнение Херцфельда, что квадратное письмо не могло появиться ранее нашествия монголов,³ опровергается надписью на минарете в Газне.

В монументальных сооружениях XIII и XIV вв. для надписей большого масштаба удержался куфи с непрерывным бордюром, дающий самые широкие возможности для каллиграфа-художника. Небольшой отрезок бордюра на портале мечети в Мешхед-и Мисриан (Месториан) с именем Хорезм шаха Мухаммада сына Такаша (596—617/1200—1220 гг.) опубликован А. А. Семеновым⁴ (рис. 27). Хотя в Средней Азии куфи не совсем утратил ведущее место, все же насху в XIII в. давали предпочтение. Это соотношение почерков засвидетельствовано весьма интересным предметом художественного ремесла начала XIII в. На крышке бронзового каламдана с инкрустацией сохранилась пространная

¹ S. Flury. Ghazni, табл. XIV, рис. 6—7, стр. 75—78.

² V. Kratchkovskaia. Notices sur les inscriptions de la mosquée Djou'm'a à Varamine. Revue des études islamiques, cahier 1, Paris, année 1931, стр. 42. — S. Flury. Ghazni, табл. XIV, рис. 7, стр. 75—78. — S. Flury. Ornamental kufic inscriptions on Pottery. SPA, т. II, стр. 1748, прим. 1. — SPA, т. IV, табл. 356.

³ E. Herzfeld. Die Gumbadh-i Alawiyyan und die Baukunst der Ikhane in Iran. A Volume of oriental Studies presented to E. G. Browne, Cambridge, 1929, стр. 192.

⁴ А. А. Семенов. ПТКЛА, год XI, Ташкент, 1907, стр. 26—27, протокол № 2. — Ср.: V. A. Kratchkovskaia, ук. соч., стр. 25—26.

титлатура и имя вазыра Хорезм шаха Мухаммада, Маджд ал-Мулка, который погиб в Мерве при разгроме его монголами. По низу предмета идут пожелания владельцу, украшенные антропоморфными и зооморфными деталями. Почерк обеих надписей — наски, но фигурные украшения явно подражают декоровке

علاء الدين، سید الله الرحمن

Рис. 27. Надпись портала мечети Месториан, 1200—1220 гг. Деталь.

куфических букв. На задней стенке крышки расположена третья надпись; имя мастера в ней и дата 607/1210 г. исполнены почерком куфи, с оригинальными окончаниями букв йā и сйн в виде утиных головок; оба отрезка куфической надписи разделены „узлом счастья“, вариант узла помещен на донышке каламдана (табл. V, а).¹ Владелец каламдана, Маджд ал-Мулк, был основателем крупной библиотеки в Мерве, в которой работал знаменитый арабский ученый Йāzūt.²

Последняя историческая надпись куфи из кирпича украшает нижний эпиграфический пояс на минарете Кутлуг Тимūra в Ургенче (табл. V, б); русский перевод ее опубликован А. Ю. Якубовским.³ Нижняя половина пояса занята текстом из букв с растительными побегими; верхняя половина

пояса представляет сложный узор из продолжений буквенных стволов и ажурной ленты с повторяющимися роями. Открытие этой в высшей степени декоративной надписи позволило доказать в 1931 г., вопреки существовавшей теории о совершенном исчезновении монументального куфи из текстов исторического содержания в самом начале XIII в., что куфи мог появиться в прекрасной стилистической обработке еще в сороковых годах XIV в.⁴ В следующем эпиграфическом поясе минарета в Ургенче на большой высоте изображен „Тронный стих“ из 2-й суры Корана.

Портал в Месториан и минарет в Ургенче по своим надписям, несомненно, уникальны. Монументальный куфи в Средней Азии достиг апогея, и многие памятники XIV в. свидетельствуют о доминирующей роли скорописи. Перечислять их излишне; важно показать в немногих примерах, какое место в них отведено надписям куфи и реминисценциям предшествующих образцов.

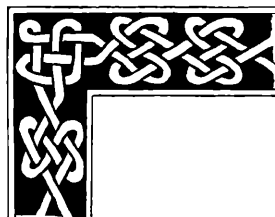

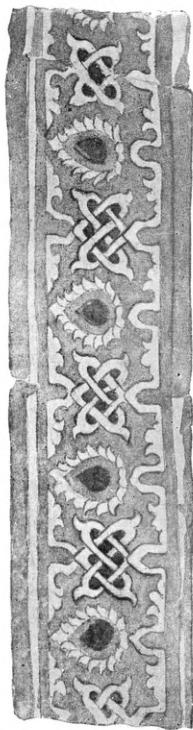
Рис. 28. Мавзолей Наджа ад-дин Кубра. Бордюр израз ја.

¹ E. Herzfeld. A bronze pen-case. *Ars Islamica*, т. III, ч. 1, рис. 1—9, стр. 35—43.

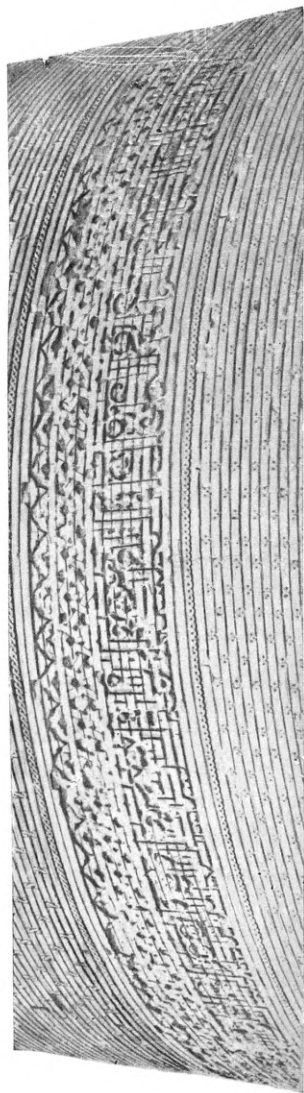
² W. Heffening. *Kitabkhana*, EI, т. II, стр. 1125. — W. Barthold, *Turkestan*, стр. 34.

³ А. Ю. Якубовский. Развалины Куля Ургенча, стр. 33 и сл., рис. на стр. 32, 33, 35, 37.

⁴ V. Kratchkovskaja, *Notices*..., стр. 42.

а

б

в

Табл. V.

а — деталь бронзового казача Маджа аз-Музда 607/1210 г.г. б — Урбач. Деталь надписи минориты. Фото А. Ю. Якубовского; в — подражание куртской надписи. Мавзолей № 3. Ших-я Зияда

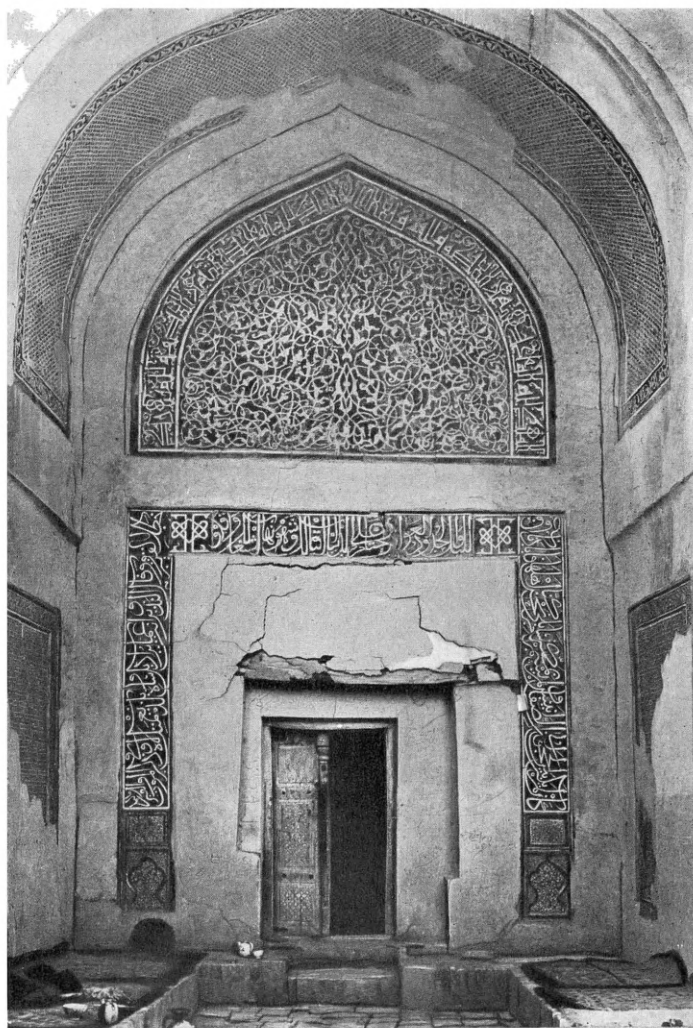

Табл. VI. Ургѣнч. Портал мавзолея Наджм ад-дин Кубра.

Над входом в мавзолей Наджм ад-дин Кубра в Ургэнче обрамляющая надпись насхом прервана при повороте на верхних углах подобием куфических букв с сердцевидными плетениями. В окаймлении тимпана повторяются ходо-вые религиозные формулы, изображенные почерком куфи (табл. VI). Бордюр расписного изразца, которым завершено обрамление входа в мавзолей, состоит только из сердцевидных узлов в виде непрерывного орнамента (рис. 28); зачатки этой композиции намечаются в радкәнском алфавите (ср. рис. 20). Стереотипная формула 'Ал-мулк ли-Лла' повторяется на угловых колонках надгробия.¹

Мазар Мухаммада Башіра в селении Мазір-и Шариф упомянут впервые М. Е. Массоном² и исследован в 1947 г. Согдийско-таджикской экспедицией

Рис. 29. Панно мавзолея Мухаммада Башіра
743/1342—1343 г.

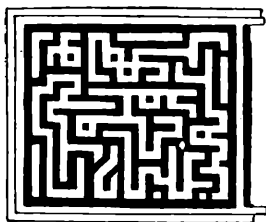

Рис. 30. Шах-и Зинда. Панно мавзолея Кутлуг Ага.

с участием сотрудников Института истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственного Эрмитажа под руководством А. Ю. Якубовского.³ На портале в прекрасную надпись насхом с датой 743/1342—1343 г. вставлены украшения, ранее употреблявшиеся только для декорации надписей куфи. Над михрабом находится прямоугольное панно с изречением:

الدنيا دار الفتن

'Здесьняя жизнь — дом испытаний'.

Здесь почерк куфи хорошего рисунка, надпись построена почти симметрично, с плетениями и коленчатым алифом (рис. 29; ср. роспись киевской чаши); под панно, над замком арки, помещен плетеный мотав.

В некрополе Шах-и Зинда (Самарканд) куфи широко использован в качестве декоративного элемента. Встречаются панно с «лабиринтом» из квадратных письмен (рис. 30), в данном случае с именами четырех халифов по пери-

¹ А. Ю. Якубовский. Развалины Куня Ургенча, рис. на стр. 62—64.— Н. М. Бачинский, ук. соч., табл. 92—93.

² М. Е. Массон. Старый Сайрам. Ташкент, 1928, стр. 3), прим. 1.

³ Пользуюсь случаем поблагодарить А. Ю. Якубовского за предоставление фотографии из последней экспедиции, а также за несколько фотоснимков прежних экспедиций.

метру и именем Мухаммада в центре панно; фризы и переплетающиеся ленты с надписями такого же стиля, квадратные письмена, расположенные симметрично, вроде чисто геометрического орнамента, перемежаются и сливаются с арабесками, геометрическими узорами и скорописными надписями. Для одиночной формулы 'Ал-мулк ли-Лла' постоянно изобретаются новые детали и варианты стилистической обработки. При всем подобии прототипам XI в. стиль этих надписей к XV в. сильно видоизменился: буквы грациозны, но тонки, лишены прежней силы и выразительности; там и сям включены очень архаичные элементы куфи, но линия строки постоянно ломается (рис. 31, а—в).

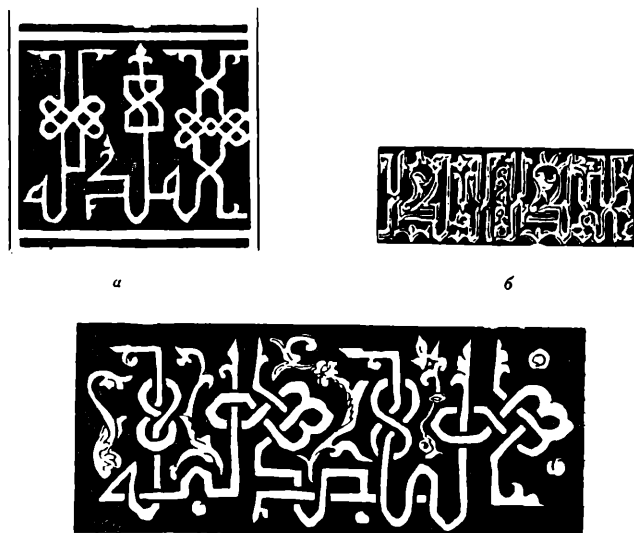

Рис. 31.

а — мавзолей Кутлуб Ага, „Ал-мулк ли-Лла“; б — мавзолей Амир заде, „Ал-мулк ли-Лла“. Шех-и Зинде; в — мавзолей Туркан Ага, „Ал-мулк ли-Лла“.

В грандиозных постройках Тимūra и Тимүридов куфические надписи не исторического содержания занимают в декоративном убранстве самое видное место. На фоне кирпичной облицовки ярко выделяются имена: Мухаммад, 'Али, Аллаḫ и т. п., вписанные квадратным письмом из поливных кирпичей в виде квадратов; или короткие формулы из двух слов заполняют прямоугольники; примеры многочисленны на памятниках Самарканда и других пунктов Средней Азии.¹ Особенно красивы квадратные письмена сложного

¹ М. Е. Массон. Мавзолей Гур Эмир, Ташкент, 1926. — А. Ю. Якубовский, Самарканд при Тимуре и Тимуридах. Л., 1933. — Н. Б. Бакланов. Герих. Советская археология, т. IX. М.—Л., 1948, рис. 8.

рисунка в уступчатых, из-за специфики кладки, контурах; они покрывают башни Ак Сарая (Шахрисябз), минареты мечети Бибй Ханым 1399—1403 г., медресе Улуг-бека, или выются лентами на минарете около мавзолея Гур-и Эмир.¹

Внутри мавзолея Гур-и Эмир великолепны, например, полихромные мозаичные розетки из куфических надписей,² панно с плетеным куфи, в котором белая надпись на синем фоне уравновешена наверху золотыми буквами насхи.³ Но чаще куфи и насхи меняются местами: главная надпись эпиграфического пояса внизу выписана крупно насхом, второстепенная куфическая надпись меньшего масштаба сверху пересекает ее по горизонтали.⁴ Под куфи стилизованы колоссальные по размерам надписи на барабанах купольных зданий и на пиштаках с типичными для насхи наклонными лигатурами.⁵

Рис. 32. Деталь надписи бронзового котла Тимюра. «Ал-мулк ли-Ллā».

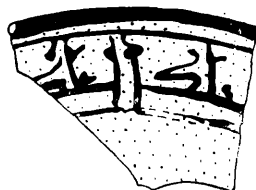

Рис. 33.

а — б — два фрагмента поливной керамики. «Ал-мулк».

В прикладном искусстве времен Тимюра и Тимюридов декоративный куфи не был исключен. На огромном бронзовом котле из мечети Хаджа Ахмада Ясави в нижнем поясе двадцать два раза повторяется формула «Ал-мулк ли-Ллā»; замечательно, что алиф заменен U-образной фигурой, которая знакома по мавзолею Мухаммада Ханая;⁶ аналогичная фигура вставлена над буквой кәф и усложненная петлей — над лигатурой «ли-Ллā» (рис. 32). На поливной

¹ М. Е. Массон. Соборная мечеть Тимура..., Ташкент, 1926. — Мечети Самарканда, вып. 1, Гур-Эмир. Изд. Археологической комиссии, С.-Петербург, 1905, табл. VI; издание цитируется сокращенно: «Гур-и Эмир».

² SPA, т. V, табл. 543.

³ SPA, т. V, табл. 542.

⁴ Гур-и Эмир, табл. II, VIII, XI.I—XV. Многочисленные образцы эпиграфической орнаментации времени Тимюра и Тимюридов имеются в цит. выше, книге: Б. П. Деникее. Архитектурный орнамент Средней Азии, особенно в гл. 5.

⁵ А. Ю. Якубовский. Самарканд, рис. 3; барабан мавзолея в группе Шах-и Зинда, слева. — Гур-и Эмир, табл. VI—VII.

⁶ См. выше, стр. 19, рис. 2².

керамике эта формула повторялась, видимо, не реже, чем 'Ал-юмн' или 'Барака' на саманидской керамике, но с худшими графическими качествами (рис. 33).

Орнамент кувическо-го стиля был весьма распространен в тимуридском искусстве. Имитация суков алик и лѣм и их скрещення встречаются на мону-

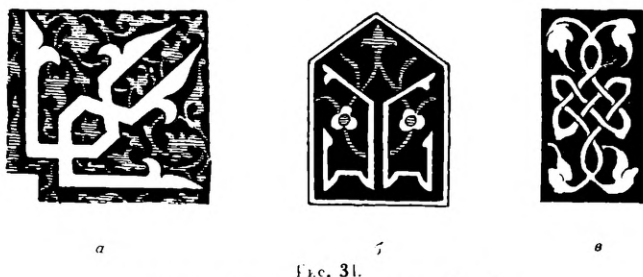

Рис. 31. а — в — декоративные орнаменты мавзолея Шаха Рукна.

ментальных сооружениях (рис. 34, а—в; табл. V, в), например, на облицовке портала мавзолея № 3 в некрополе П'ах-и Зинда; она уже отмечалась на мавзолее Наджм ад-дин Кубра.¹

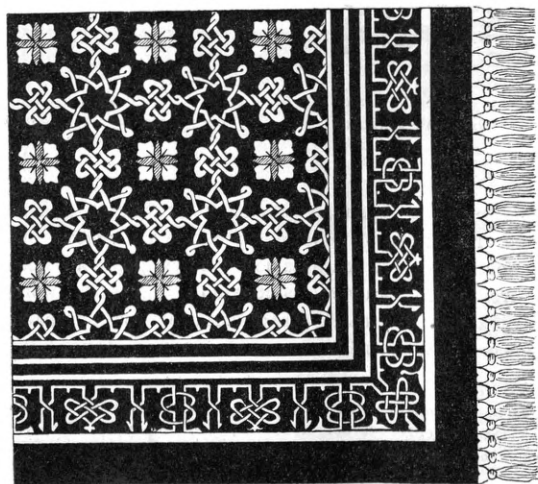

Рис. 33. Мотивы ковра по миниатюре начала XVI в.

Подобные композиции использовали на бордюрах ковров, оригиналы которых не сохранились, но из миниатюр гератской школы, созданных художниками

¹ См. выше, стр. 23, табл. VI.

времени Тимүридов, „узлы счастья“ являются одним из существенных узоров главного поля ковров и даже единственным повторяющимся мотивом.¹ Возможно, что часть этих ковров была выткана в среднеазиатских центрах производства. Это предположение особенно напрашивается, когда ковровые мотивы мы видим на миниатюре с изображением личности, которая узами родства и своей карьерой (хотя и мимолетно) была связана с Самаркандом, подобно султану 'Али Мирза Барласу, потомку Мйр'аншāха (рис. 35).²

В заключение можно признать, что с той поры, когда мастерам и каллиграфам Средней Азии стал известен куфический почерк, они верно оценили его богатые графические возможности и неустанно обогащали им сокровищницу среднеазиатского и мирового искусства.

---

¹ См.: SPA, т. V, табл. 870 и 874, 833/1429 г.; табл. 875, 844/1140 г.; табл. 880, 874/1469 г.; табл. 882, 901/1496 г.

² Рукопись Нйзамй, Брит. Музея (Or. 6810), изд.: F. R. Martin and Sir Thomas Arnold, Vienna, 1926, стр. 4 и миниатюры 1, 2, 9, 10, 12.